

Водители фрегатов

Автор:

Николай Чуковский

Водители фрегатов

Николай Корнеевич Чуковский

Книга посвящена отважным мореплавателям прошлого: Джемсу Куку, Лаперузу, Ивану Крузенштерну, Юрию Лисянскому, Рутерфорду, Дюмону Дювиллю. Это увлекательное и яркое повествование о судьбе прославленных моряков, их жизни, полной героических путешествий и великих открытий.

Николай Чуковский

Водители фрегатов

Вступление

Тихий океан вмещает почти половину всех земных вод.

Почти половина земного экватора проходит по Тихому океану.

Найди Тихий океан на глобусе, и ты увидишь, что он занимает почти целое полушарие.

Когда на одном берегу Тихого океана день, на противоположном – ночь. Когда на одном берегу утро, на противоположном – вечер.

Ветры, не встречая на пути препятствий, по целым месяцам дуют в одном направлении. Громадные длинные волны катятся, не зная преград. Бутылка, брошенная в океан, может плыть столетия и не доплыть до берега.

Из вод этого безмерного океана поднимаются тысячи островов. Они покрыты густым тропическим лесом и похожи на плавучие цветущие сады.

Громадные океанские просторы лежат между этими островами.

Первым европейцем, увидевшим Тихий океан, был испанец Бальбоа. В 1513 году Бальбоа с небольшим отрядом высадился на атлантическом побережье Центральной Америки и пошел в глубь страны. Он поднялся на горный хребет и увидел впереди неведомое море. Бальбоа спустился к этому морю и, не снимая доспехов и лат, вошел в его волны. Стоя по грудь в воде, он торжественно принял весь океан, о размерах которого не знал ничего, во владения короля Испании.

Семь лет спустя, в 1520 году, Магеллан, командовавший эскадрой испанских кораблей, обогнул Американский материк с юга и вступил в Тихий океан. Много месяцев плыл он по Тихому океану, не встречая никакой земли. Несколько раз он пытался измерить лотом глубину, но лот не достигал дна. Да и как Магелланов лот мог достигнуть дна, если глубина Тихого океана во многих местах равна десяти километрам!

Магеллан пересек Тихий океан от Южной Америки до Филиппинских островов. Он был убит в сражении с филиппинцами.

Из эскадры Магеллана только один корабль вернулся в Испанию. Этот корабль, плывя сначала по Индийскому океану, потом по Атлантическому, вернулся в Европу, совершив, таким образом, первое в истории человечества кругосветное путешествие.

В течение следующих двухсот лет испанцы, голландцы и англичане не раз проходили по пути, проложенному Магелланом. Но новые путешественники не решались отклоняться в сторону от знакомой дороги, и поэтому исследование Тихого океана почти не подвигалось вперед.

Смелее других был капитан Абель Тасман, голландец.

Отходя от Магелланова пути к югу, Тасман в 1642 году открыл Австралию, Тасманию и Новую Зеландию.

В первой половине XVIII века исследованием Тихого океана занялись русские. По указу императора Петра, капитан Беринг снарядил на Камчатке экспедицию, чтобы плыть на восток и узнать, соединяется ли Азия с Америкой. Он пересек ту северную часть Тихого океана, которая теперь носит название Берингова моря, и открыл Аляску. Возвращаясь с Аляски, Беринг потерпел крушение и умер от цинги на одном из Командорских островов, который в память этого события теперь называется островом Беринга.

И все же Тихий океан оставался почти не исследованным.

По-настоящему исследовать его европейцам удалось только во второй половине XVIII века.

В поисках удобных торговых путей и стремясь к захвату далеких стран, во второй половине XVIII века европейские моряки совершили ряд героических путешествий в Тихий океан. Большинство этих экспедиций кончилось гибелью их участников. Но благодаря им человечество узнало о множестве дотоле неведомых земель.

Вторая половина XVIII века – это эпоха высшего расцвета парусного флота. Никогда до тех пор искусство строить деревянные корабли и управлять парусами не достигало такого совершенства. Впоследствии, с изобретением пароходов, искусство это утратилось.

Сейчас нам трудно даже вообразить себе всю сложность управления гигантским фрегатом, паруса которого состоят из двухсот отдельных частей. Двести парусов, и у каждого свое назначение! При перемене ветра каждый парус поворачивали. Какой громадный опыт, какую находчивость, какие точные знания нужно было иметь, чтобы не сбиться, не спутаться!

А сколько нужно было отваги, чтобы годами блуждать по неведомым водам, не зная, что ждет тебя за линией горизонта! Деревянные днища кораблей гнили, обрастали корой из ракушек. Порой не хватало продуктов, кончалась пресная вода. Но тысячи миль оставались позади, а все те же волны по-прежнему били в

борта, и менялось только расположение созвездий в небесах.

На самой высокой мачте висела корзина, в которой сидел матрос. Волны шатали корабль, и корзина качалась, как люлька. Матрос сидел в корзине, вглядываясь в даль и стараясь заметить землю. Так качался он между водой и небом, ничего не видя, кроме волн. И вот наконец замечал он на горизонте синюю туманную полосу. Стремительно спускался он вниз, на палубу, радостно крича во все горло:

– Земля!

Так мало-помалу люди открывали новые страны. Так все ясней становились очертания исполинского океана. Одни из этих моряков потонули, другие погибли в боях, и только немногим пришлось умереть дома, на родине. Но мир никогда не забудет бесстрашных водителей фрегатов. Вот имена самых прославленных из них: капитан Джеймс Кук, капитан Лаперуз, капитан Иван Федорович Крузенштерн и капитан Дюмон Дюрвиль.

О них мы и расскажем.

Часть первая

Капитан Джеймс Кук и три его кругосветных плавания.

Мальчик из лавки

Джеймс Кук впервые выходит в море

Когда какому-нибудь судну, стоящему в доке города Стэйта, нужно выйти в море, подымается суматоха. Док всегда переполнен, корабли стоят борт о борт,

сжатые извилистым каменным молом. С берега мачты кажутся непроходимым лесом – такое их там множество и такая там теснота.

Чтобы вывести одно судно из дока, надо переставить все до единого. А это не легкое дело.

И вот на мол взбегают служащий дока с рупором в руках.

– «Горец», вперед! – гудит рупор. – Стань рядом с «Нептуном»! «Нептун», вперед! Стань рядом с «Трезубцем»! «Трезубец», вперед! Стань за «Неустрашимым»!

И все приходит в движение.

Наконец освобождается узкая полоска черной воды, по которой готовое к отплытию судно выходит в море.

Так было и ясным июльским вечером 1746 года, когда из Стэйтского дока вышел угольщик «Геркулес». Начинало темнеть, в небесах появились первые звезды. Белые домики Стэйта таяли вдали, сливаясь с синей полоской берега.

«Геркулес» принадлежал торговому дому «Братья Уокер» и шел в Дублин с грузом угля под командой капитана Джона Уокера и боцмана Генри Уокера.

Старый «Геркулес» был единственным судном «Братьев Уокер», и экономные братья, чтобы не увеличивать расходов, держали на нем всего двух матросов. Конечно, такому экипажу трудно было управлять кораблем, и многие пророчили ему скорую гибель. Но море щадило «Геркулес», и он, всегда перегруженный, всегда грязный, продолжал плавать между Стэйтом и Дублином.

Капитан Джон Уокер был бородат, угрюм и скуп. Он нисколько не был похож на своего брата Генри Уокера, молодого, веселого человека.

Генри Уокер любил книги о путешествиях и часто подолгу разговаривал в порту со старыми моряками, побывавшими в далеких странах.

Когда город скрылся в сумерках, Генри спустился в трюм посмотреть, хорошо ли сложены мешки с углем, не рассыплет ли их морская качка. Джон остался на палубе. Четверть часа спустя Генри вылез из трюма, ведя за руку оборванного, грязного мальчика.

Мальчику было лет четырнадцать. Сквозь лохмотья просвечивало голое тело, из рваных башмаков вылезали пальцы, жесткие черные волосы торчали во все стороны. Левый глаз его был подбит и превратился в узкую сверкающую щелочку, зато правый смотрел смело и дерзко. Мальчик шагал с таким храбрым, независимым видом, что нельзя было решить, кто кого ведет – он ли Генри Уокера или Генри Уокер его.

– Погляди, Джон, вот так находка! – со смехом проговорил Генри, подводя мальчика к брату. – Он вылез прямо на меня из-за мешка с углем и заявил, что навсегда остается у нас на судне. Я пригрозил выбросить его в море, но он нисколько не испугался. Он мне ответил, что уж лучше лежать на морском дне и видеть, как над тобой проходят корабли, чем вернуться назад в Стэйт, к суконщику Сэндерсону. Видал ли ты когда-нибудь такого чудака? Право, он мне нравится!

Но Джон только нахмурился. С какой стати он повезет в Ирландию бесплатного пассажира?

– Как тебя зовут? – начал он грозный допрос.

– Джемс Кук, сэр.

– Ну, мистер Джемс Кук, ты, я вижу, хочешь есть чужой хлеб?

– Нет, сэр, я хочу работать.

– Работать? Что же ты хочешь делать?

– Я хочу стать моряком!

– Нам нужен юнга, – вставил было Генри, но Джон так посмотрел на него, что он сейчас же прикусил язык.

– Да разве такие младенцы годятся в моряки? – еще строже продолжал Джон. – Разве ты был когда-нибудь в море? Знаю я вас, дармоедов!

– Я не дармоед и никогда не буду дармоедом! Я всему выучусь, сэр!

Джон Уокер хотел было рассердиться, но внезапно увидел подбитый глаз мальчика, и ему стало жаль своего непрошеного пассажира.

– Кто это тебя так изукрасил? – спросил он.

– Мистер Сэндерсон, сэр, мой хозяин. Он бил меня, и я удрал от него. Я не хочу больше служить в лавке, я хочу уехать в Индию!

– В Индию? – спросил Джон Уокер.

– В Индию, – повторил мальчик. – Я пошел в док, пролез вместе с грузчиками к вам на корабль и спрятался в трюме, среди мешков с углем. Я буду работать и днем и ночью, – умоляюще прибавил он, – я буду делать все, что вы прикажете, только возьмите меня с собой в Индию.

Джон Уокер улыбнулся впервые. А Генри захохотал.

– Ну, Джемс, здесь ты промахнулся, – сказал Генри. – Мы привезем тебя не в Индию, а всего только в Ирландию, в Дублин. В Индию на таких плоскодонных кастрюлях, как наша, не ходят! Правда, и «Геркулес» знавал лучшие времена – в дни своей молодости он хаживал и в Берген, и даже в Кадикс, но в Индию... нет, до Индии он не добирался.

Джемс был огорчен. Он думал, что все корабли идут в Индию. Так сказал ему два года назад его отец, безграмотный батрак. Джемс, впервые попавший в город, был поражен множеством кораблей, стоявших в гавани.

«Куда плывут все эти корабли?» – спросил он.

«В Индию, сынок», – не задумываясь, ответил отец.

И с тех пор мечта о путешествии в Индию на одном из таких кораблей не покидала мальчика...

Теплый, тихий вечер спустился над морем. Генри убеждал Джона принять мальчика на службу. Угрюмый Джон молчал, и только огонек его трубки разгорался все ярче и ярче.

- Юнга нам необходим, - повторил Генри. - Этот мальчик - просто находка. Старый Джэксон болен, где ему лазить по мачтам, а Дэвис занят у руля. И подумай, Джон, как дешево нам будет стоить этот мальчик!

- Ладно, попробуем, - наконец сказал старший брат.

Через минуту, положив мальчику на плечо свою тяжелую ладонь, он сказал:

- Ну, Джемс, принимайся за работу. Видишь вот тот парус? Он называется «мунсель». За ним уже нет ничего - только небо. Взлезь на мачту и отвяжи его.

Джемс глянул вверх, и сердце его сжалось от страха.

Мунсель - самый высокий парус на корабле. Снизу он кажется не больше носового платка. Вот-вот сбитые им с неба звезды посыплются на палубу и засорят глаза.

Оба брата внимательно следили за мальчиком, который безмолвно смотрел вверх.

«Не ползет, где ему!» - думал Джон.

«Неужели не ползет?» - думал Генри, боясь, как бы этот мальчик, полюбившийся ему с первого взгляда, не оказался хвастуном и трусом.

Но Джемс Кук опустил голову и сказал:

- Слушаюсь, сэр!

И полез вверх по веревочным вантам.

Карабкаясь по вантам, Джемс ни разу не глянул вниз, на палубу. Но когда он добрался до мунсель-реи и сел на нее верхом, он почувствовал, что у него кружится голова и пальцы рук скользят по обмазанному жиром дереву. Мальчик выпрямился и глянул по сторонам. Он еще будет в Индии, хотя бы для этого пришлось долезть до самого неба!

Темнота скрывала от него море.

Рея, на которой сидел Джемс, как бы летела по воздуху. Из темноты вынырнула морская птица и принялась кружить вокруг Джемса. Когда «Геркулес» слегка менял курс, мачта так наклонялась, что Джемс повисал в воздухе.

Наконец канат был отвязан и сам выскользнул из рук, завертев колесико блока.

Джемс нащупал ногой веревочную ступеньку вант и полез вниз.

– Я говорил тебе, что он годится в моряки, – сказал брату Генри Уокер.

– Да, из него выйдет толк, – согласился Джон, выпуская дым из-под усов. – Запиши ему жалованье – шесть шиллингов в месяц.

Так Джемс Кук, великий мореплаватель, первый раз вышел в море.

Юнга превращается в капитана

Это был не такой юнга, как другие. Он не проводил свои свободные часы в карточной игре, он не напивался в кабаках. Нет, Джемс Кук после тяжелой работы, после лазанья по мачтам садился за книгу.

У Генри Уокера был целый сундук старых книг, и Джемс любил читать их. Больше всего ему нравились описания знаменитых морских путешествий. Колумб, Магеллан, Абель Тасман – вот кому он завидовал всей душой. Ему

хотелось совершить такие же подвиги.

Индия больше не прельщала его. Она в то время была уже слишком хорошо известна. Его привлекало гигантское пространство, лежащее на восток от Индии, между Азией и Америкой, совсем еще неизвестное европейцам. Там находился Тихий океан, величайший из земных океанов. Он так огромен, что, быть может, среди его необозримых вод расположены целые материки, населенные великими народами. И Джеймс Кук решил во что бы то ни стало побывать в Тихом океане.

Для этого он стал изучать теорию мореплавания – науку, называемую навигацией. Вскоре Джон Уокер заметил, что Кук знает морское дело лучше его самого. И когда Куку минуло двадцать два года, ему было поручено управление «Геркулесом». Его стали величать капитаном. Это был самый молодой капитан во всей Великобритании.

В 1755 году Англия объявила войну Франции. Кук был взят на военную службу. Как моряка, да еще капитана, его определили в военный флот и дали ему один из младших офицерских чинов. Почти все военное время он провел в Северной Америке, в Канаде, французской колонии, захваченной англичанами.

Но война мало занимала его. Большую часть своего пребывания в Америке он посвятил измерению и изучению фарватера реки Святого Лаврентия и обследованию берегов Ньюфаундленда. Он отослал результаты своих трудов в Адмиралтейство, и его произвели в чин лейтенанта. Лондонское географическое общество сделало его своим членом. Через несколько лет после окончания войны он был уже командиром небольшого военного корабля.

В конце 60-х годов XVIII столетия весь европейский ученый мир интересовался предстоящим прохождением планеты Венера через диск Солнца. Вычислили, что это замечательное астрономическое явление произойдет 3 июня 1769 года. Наблюдать его можно было только в южной половине земного шара. Географическое общество решило послать в южные моря научную экспедицию для наблюдения за Венерой. Во главе этой экспедиции нужно было поставить человека, который был бы одновременно и добросовестным ученым, и опытным моряком.

Выбор пал на капитана Джеймса Кука.

Первое плавание. От острова к острову

Бэнкс

Местом наблюдения за Венерой избрали тихоокеанский остров Таити. Этот остров открыл в 1606 году испанский капитан Квирос. С тех пор моряки не раз видели его издали, но никто не высаживался на берег.

Ученые XVIII века не могли себе представить, что почти все Южное полушарие покрыто водой. Им казалось, что если бы вся суша находилась на севере, а все моря – на юге, то земной шар потерял бы равновесие и перевернулся. Это рассуждение, которое кажется теперь смешным и детским, в те времена считалось вполне разумным.

Особенно защищал его молодой талантливый географ Бэнкс. Узнав о предполагаемой экспедиции Кука, он произнес большую речь, которая впоследствии была переведена на все европейские языки.

«Америку открыли испанцы, – говорил Бэнкс. – Австралию – голландцы. Великий Южный материк, шестой материк нашей планеты, должен быть открыт англичанами! Нам стыдно не открыть его. Мысленно мы даже можем обозначить на глобусе место, где он находится, и мы должны сказать капитану Куку: „Не возвращайтесь, не открыв Южного материка!“»

Решено было спросить Кука, что он думает по этому поводу.

– Я верю только в то, – сказал Кук, – что видел собственными глазами или что видели другие люди, которым можно доверять. Южного материка никто не видел, и я не могу знать, существует он или нет. Но я поплыву и посмотрю. Если Южный материк действительно существует, я его открою.

– Возьмите меня с собой! – предложил Бэнкс. – Я убежден в существовании Южного материка и хочу первым посетить его.

Адмиралтейство предоставило Куку небольшой, но отлично построенный военный корабль «Усердие». Кроме Бэнкса, на нем должен был плыть астроном Грин, которому поручено было вместе с Куком производить наблюдения за Венерой. На случай каких-нибудь болезней их сопровождал молодой доктор Монкгауз.

26 августа 1768 года «Усердие» вышло из Плимута, а полгода спустя обогнуло мыс Горн и вступило в Тихий океан.

Таити

10 апреля 1769 года с мачты был замечен остров Таити. Издали он казался темно-зеленым кустом, выросшим посреди голубого океана.

Меж курчавых лесов серебрились быстрые речки. Круглые холмики уходили вдаль, вырастая, нагромождаясь друг на друга, и, наконец, превращались в высокие горы.

– Смотрите, сколько пожаров! – кричали матросы.

Но они ошиблись, пожаров не было. Это расцветали багряные цветы на деревьях. А немного отступя от берега, из прозрачных глубин подымался длинный розовый риф, омываемый снежно-белой пеной.

Вот из бамбуковых домиков, стоящих в тени кокосовых рощ, выскочили кофейные полуголые люди и побежали на берег встречать иноземцев. За ними по пятам мчались собаки.

Прежде чем бросить якорь, Кук собрал всю команду и обратился к ней с речью.

– Мы должны показать островитянам, – сказал Кук, – что мы их друзья, и они будут поступать с нами по-дружески. От торговли с ними мы гораздо больше выгадаем, чем от грабежа.

И он объявил, что всякий матрос, обидевший или обокравший островитянина, будет посажен в карцер. Особенно строгое наказание назначил он за стрельбу из ружей.

– Стрелять можно только в том случае, если островитяне первые нападут на нас, – говорил он. – Да и тогда нужно раньше постараться уладить дело без кровопролития.

Кук распорядился бросить якорь и разрешил съезжать на берег.

Таитяне встретили англичан испуганно и недоверчиво. За несколько лет до Кука на Таити побывал корабль, которым командовал некий капитан Уоллес.

Подойдя к острову, Уоллес без всякой причины начал палить из пушек по деревне. Таитяне никогда не видели белых вблизи, однако знали, что корабли их несут смерть.

Но Кук решил во что бы то ни стало добиться дружбы таитян. Кук и Бэнкс нагрузились гвоздями, стальными топорами, красными тряпками, стеклянными бусами и сошли на берег. Они подзывали туземцев и, когда те испуганно подходили, дарили им свои сокровища. Тряпки и бусы привели таитян в восхищение. Топоров и гвоздей они сначала не брали, потому что никогда не видели железа и не знали, что с ним делать. Но, когда Кук срубил при них дерево и в две минуты починил гвоздями старую, развалившуюся пирогу, они стали считать железные вещи самой большой драгоценностью в мире и беспрестанно выпрашивали их у англичан.

Таитяне не раз приглашали Кука к себе в хижины. Хижины эти были сплетены из бамбука, как корзины, и формой напоминали перевернутую лодку. Окон в них не было. Для того чтобы пролезть в дверь, приходилось становиться на четвереньки.

Вся мебель таитян состояла из крохотных деревянных скамеечек, которые они подкладывали под голову во время сна.

Очаг, на котором готовили пищу, помещался вне хижины, на открытом воздухе. Его даже трудно было назвать очагом – скорее это был просто костер, обложенный камнями.

Бэнкс занялся изучением таитянского языка. Он знаками спрашивал, как называется тот или другой предмет, и ответы таитян записывал в книжечку. Таитяне поняли, чего от них хотят, отвечали очень охотно, и скоро у Бэнкса составилась целый словарь. Мало-помалу Бэнкс и Кук стали уже понимать, о чем говорят между собой таитяне, и сами могли кое-как объясняться с ними.

Кук решил от имени Англии заключить союз с таитянами.

Он стал расспрашивать, есть ли у них какое-нибудь правительство. Таитяне ему ответили, что ими управляет королева Оберея, и Кук пожелал с нею повидаться. Он захватил с собою Бэнкса, и их повели в глубь острова. Там оказалось другое селение, немного побольше.

Дворец королевы ничем не отличался от остальных хижин. Он состоял всего из одной комнаты, в которой не было окон, – свет проникал через дверь.

Королева Оберея встретила Кука очень приветливо и беспрестанно хохотала. Вместо одной юбочки, которую носят все таитянские женщины, она носила четырнадцать юбок, надевая их одну на другую. Только по этим юбкам и можно было судить о ее высоком сане.

Кук торжественно заговорил о своей дипломатической миссии. Коверкая слова, помогая себе жестами, он попытался объяснить ей, что правительство Англии, великой заморской страны, хочет заключить союз с правительством острова Таити. Цель союза – благоденствие обоих великих народов.

Оберея хохотала над каждым словом капитана. Но скоро она догадалась, что Кук говорит о чем-то важном. Тогда она, путаясь в своих четырнадцати юбках, выбежала из дворца на двор и закричала:

– Тупия! Тупия!

Тупия был таитянским вельможей. Он пришел, седой, торжественный, и важно приветствовал гостей. Куку понравились его умные, честные глаза, и он изложил ему свое дело. Тупия слушал внимательно и серьезно. Он неодобрительно поглядывал на королеву, которая продолжала смеяться.

Когда Кук кончил, Тупия задумался.

– Мы согласны, – наконец вымолвил он. – Таитяне всегда будут друзьями англичан, если англичане не станут убивать таитян гремучими молниями со своих крылатых островов.

Кук смутился. Он сказал, что Уоллес просто разбойник, что английское правительство не одобряет его действий, хотя понимал, что правительство скорее одобрило бы Уоллеса, чем его самого.

Наконец союз был заключен. Кук подарил Тупии и Оберее несколько топоров и кучу разноцветных бус.

Приближалось 3 июня – день, когда планета Венера должна была пройти через солнечный диск. Астроном Грин с помощью матросов стал строить на берегу маленькую обсерваторию.

Когда обсерватория была уже почти готова, произошел случай, который чуть было не рассорил путешественников с таитянами.

Грин работал на берегу только до обеда и на остальное время для охраны обсерватории оставлял вооруженный отряд из тридцати человек под начальством лейтенанта Пикерсджила. Отряд этот скоро привык к миролюбию туземцев, и матросы, вместо того чтобы сторожить, бегали с таитянами наперегонки, играли в чехарду, хором распевали песни. Ружья только мешали им, и они спокойно ставили их у стенки.

Как-то раз молодой таитянин подошел к ружьям и стал с любопытством их разглядывать. Они ему очень понравились, и он взял одно ружье в руки, чтобы лучше его рассмотреть.

– Положи! – крикнул ему лейтенант Пикерсджил.

Но таитянин не то не понял, не то просто не хотел слушаться и продолжал держать ружье в руках. Тогда лейтенант для острастки выстрелил в воздух.

Таитянин подпрыгнул и кинулся стремглав в лес, унося с собой ружье. Пикерсджил выстрелил ему вдогонку и убил его наповал.

Тотчас же собралась толпа. Убитого обступили со всех сторон. Мать причитала над ним. Отец требовал мести. И когда Кук, услышавший выстрел, прибыл на берег, почти все таитяне были вооружены копьями и готовились к бою.

К счастью для англичан, на берегу оказался Тупия. Этот вельможа привязался к морякам, удивлялся их мудрости и неотступно ходил за ними. Теперь он взлез на камень и произнес речь.

Он долго и рассудительно говорил о том, как выгодно для таитян торговать с англичанами. Он искренне считал драгоценностями те стеклянные бусы, которые англичане давали таитянам в обмен на их товары.

– Этот убитый мальчик сам виноват, – говорил он. – Он совершил воровство и наказан по заслугам.

Толпа внимательно слушала Тупию и в конце концов согласилась с ним. Мирные отношения были восстановлены. Один только Кук остался при особом мнении. Он считал убийство молодого таитянина бессмысленным, жестоким поступком и посадил лейтенанта Пикерсджила в карцер.

3 июня Грин и Кук заперлись в обсерватории на целый день. Там было очень душно. Весь день чередовались они у стеклышка телескопа и записывали все свои наблюдения.

А тем временем Бэнкс бродил по острову и приглядывался к жизни таитян. Однажды он встретил несколько пьяных и заинтересовался, что за напиток опьянил их. Вскоре ему удалось это выяснить. На лугу сидело человек пятнадцать мужчин, и все они молчаливо жевали стебли какого-то растения. Когда стебель насквозь пропитывался слюной, они выжимали ее в одну общую глиняную чашку и потом с жадностью пили эту жижу, которую они называли кофой. Напившись, они начинали петь и танцевать.

Таитянские весельчаки встретили Бэнкса очень приветливо. Они поднесли ему чашку с кофой и были очень удивлены, когда он отказался отведать этот напиток. Бэнкс сел в сторонке и стал прислушиваться к песням.

Они пели:

К нам из-за моря приплыли крылатые острова.

На крылатых островах живут белые люди.

У белых людей много драгоценных диковинок.

Есть у них красные ткани, краснее крови и прекраснее зари.

Есть у них светлые шарики, светлее солнца и неба,

их надевают на шею.

Есть у них крепкие острые камни, которые превращают

деревья в щепки.

Хорошо быть другом белого человека – он даст тебе

много сокровищ.

Плохо быть врагом белого человека – он убьет тебя

летучей огненной молнией.

Прислушиваясь к этим длинным, однообразным звукам, Бэнкс понял, что у таитян не было определенной, заранее придуманной песни. Они пели все, что им тут же приходило в голову. Сейчас они думали о белых людях – и белые люди появились в их песне.

Но больше всего на Таити наших путешественников поразили кладбища. Таитяне не зарывали своих мертвецов в землю. Они строили где-нибудь в дремучем лесу высокий деревянный помост и клали на него покойника, положив ему в одну руку каменный топор, а в другую – копье. Над ним сооружали бамбуковый навес, который предохранял труп от дождя. Хищные птицы в несколько дней съедали все мясо мертвеца и оставляли только скелет.

Англичане, бродя по острову, не раз натыкались на эти гробницы. Жители Таити боялись своих покойников и, чтобы умилостивить их, клали им в ноги кокосовые орехи и бананы.

Астрономические наблюдения были закончены. Кук решил покинуть Таити и отправиться дальше на запад, в неизвестные места, чтобы выяснить, существует ли Южный материк, и исследовать восточные берега Австралии.

Когда таитяне узнали, что их гости уезжают, они собрались большой толпой на берегу и громко рыдали. Но, конечно, эти рыдания вовсе не были вызваны искренним горем. Просто, по таитянским законам вежливости, гостей полагалось провожать плачем. Искренне горевал один только Тупия, крепко подружившийся с Куком.

– Послушай, Тупия, – сказал ему Кук, – поедem с нами. Ты объедешь весь мир, познакомишься с такими чудесами, какие тебе даже не снились. Я стану обращаться с тобой, как с братом, ты будешь жить в довольстве и в богатстве. А через несколько лет мы привезем тебя обратно. Соглашайся, Тупия, едем!

Тупия горько вздохнул.

– Я бы поехал с радостью, – сказал он, – но у меня есть племянник Тайето, двенадцатилетний мальчик, круглый сирота. На кого я его оставляю? Он умрет здесь без меня с голоду.

– Бери с собой своего племянника, – предложил Кук Тупии. – Я отдам его в Англии в школу, и он станет образованным человеком.

И Тупия согласился. Вместе со своим кудрявым племянником он поселился в отдельной каюте, расположенной между каютами Кука и Бэнкса.

13 июля «Усердие» снялось с якоря и вышло в море.

Новая Зеландия

7 октября мореплаватели увидели зубчатую горную цепь, тянущуюся от одного края горизонта до другого.

– Ура! – закричал Бэнкс. – Южный материк!

– Это Новая Зеландия, открытая голландским путешественником Тасманом, – сказал Кук.

– Новая Зеландия – часть Южного материка. Я в этом совершенно уверен.

– Посмотрим, – сказал Кук. – Я не уеду отсюда, пока не занесу на карту все берега и не узнаю, материк это или остров.

Новую Зеландию открыл в 1642 году голландец Абель Тасман. Он видел лишь северный берег Новой Зеландии, и поэтому никто не знал, велика ли открытая им земля. Вполне естественно было предположить, что Новая Зеландия – только часть какого-то огромного материка.

Два дня спустя «Усердие» бросило якорь в устье небольшой речки. Берега заросли дремучим, непроходимым лесом, над которым возвышались голые черные скалы. Чем дальше от берега, тем эти скалы становились выше и выше и, наконец, превращались в гигантские горы, покрытые вечными снегами.

Скоро показались и жители. Они были высоки ростом и мускулисты. Челюсти выступали вперед, и от этого лица казались свирепыми. Голые тела их были пестро размарованы. В руках они держали длинные копья и топоры из хорошо отшлифованного зеленого камня.

Кук приказал спустить две шлюпки и отправился на берег вместе с Бэнксом и отрядом вооруженных матросов. Увидев приближающихся англичан, люди разбежались. Шлюпка, в которой сидел Кук, подошла к берегу. Кук поручил сторожить ее четверем юнгам и пошел в лес. Вторая шлюпка остановилась на полпути между берегом и кораблем.

Едва только Кук с товарищами скрылся в лесу, как на мальчиков набросились четверо новозеландцев. Они опрокинули их наземь и занесли над ними свои длинные копья.

Напавших заметили со второй шлюпки и для острастки дали залп в воздух. Пораженные грохотом, новозеландцы остановились, но, увидев, что выстрелы не принесли им никакого вреда, снова кинулись на мальчиков.

Грянул второй залп, и один из новозеландцев был убит наповал. Его товарищи пустились бежать и скрылись в лесу.

Услышав выстрелы, Кук вышел из леса на берег, сел в свою шлюпку и отправился обратно на корабль.

Он был огорчен, что первая встреча с новозеландцами окончилась убийством. Вражда с ними могла только помешать исследованию этой земли. 9 октября, увидев на берегу взволнованную толпу, он немедленно отправился к ней под надежным прикрытием трех вооруженных шлюпок.

С Куком поехал и Тупия.

На этот раз при виде англичан новозеландцы не разбежались, но не решались и приблизиться. Тупия обратился к ним с речью на таитянском языке. И, к удивлению Кука, новозеландцы понимали его. Оказалось, новозеландский язык похож на таитянский. Кук очень обрадовался этому. Тупия облегчит ему сношения с жителями Новой Зеландии.

– Мы пришли к вам не с войной, а с миром, – говорил Тупия. – Нам нужно запастись у вас пресной водой и пищей. Но не бойтесь, мы ничего не возьмем у вас даром. Мы за все вам щедро заплатим. Вы получите от нас топоры из блестящего камня, который крепче ваших скал, – он потряс над головой стальным топором, – драгоценные шарики, которые сделают вас всех красивыми, – он показал стеклянные бусы, украшавшие его грудь, – и красную одежду, в которой не страшен самый сильный ночной холод.

Новозеландцам понравилась речь Тупии, и они, осмелев, стали подходить к странным заморским людям. Кук встречал их приветливо, каждому дарил по нитке бус и уговаривал ехать к себе на корабль.

Казалось, все шло отлично.

Но вдруг один из новозеландцев, подойдя к астроному Грину, вынул у него из ножен кинжал и бросился бежать. Грин выстрелил ему в спину дробью. Но новозеландец был уже довольно далеко, и дробь не причинила ему вреда. Кук уговаривал Грина уступить кинжал удравшему и не устраивать напрасного кровопролития. Но в эту минуту выстрелил доктор Монкгауз и убил убежавшего

наповал. Грин подошел к убитому и взял у него свой кинжал.

Новозеландцы перешли в наступление. В боевом порядке, потрясая топорами, они двинулись на англичан.

Матросы дали залп.

Несколько новозеландцев упало. Остальные бросились в реку и переплыли на другой берег.

Кук, увидев, что ему и на этот раз не удалось поладить с новозеландцами, решил вернуться на корабль.

Шлюпки двинулись к кораблю. Навстречу им мчались две новозеландские пироги, направлявшиеся к берегу.

Одна пирога прошла мимо. Но другая отважно приблизилась к шлюпкам.

Тупия попробовал вступить с новозеландцами в переговоры.

– Не бойтесь! – кричал он им. – Мы не сделаем вам ничего худого!

– Мы не боимся! – ответили новозеландцы, и семь копий полетели в англичан.

Двое матросов были слегка ранены.

– Собаки! Бей их! – крикнул кто-то.

Грянул залп, и четверо новозеландцев с простреленными черепами упали на дно своей пироги.

Куку стоило большого труда заставить рассвирепевших моряков не пристреливать трех остальных. Их взяли в плен и отвезли на корабль.

Кук угостил их, напоил сладкой настойкой, подарил им бусы, ткани и топоры. Но пленники ко всему относились враждебно, с Тупией разговаривать отказались и,

когда их вечером отвезли на берег, стали швырять камнями в отплывавшую шлюпку.

Они любили свою землю и не доверяли могущественным иноземцам.

Материк или остров?

Кук решил, что оставаться здесь дольше бессмысленно, и направился вдоль берега к северу. Всей команде хотелось поскорее узнать, открыли ли они Южный материк, или Новая Зеландия всего только один из бесчисленных островов Тихого океана.

Дули встречные ветры, и «Усердие» медленно подвигалось вперед. На берег мореплаватели съезжали только за водой и избегали встреч с новозеландцами. Но издали видели деревни и маленькие деревянные крепости, которые новозеландцы называют «и-пу». Эти крепости с высоким бревенчатым частоколом строились на вершинах скал.

По ночам корабль бросал якорь в бухтах, которых здесь было множество, и тогда на берегу собирались новозеландцы, жгли костры, плясали военные пляски и проклинали чужеземцев. Англичанам этот шум мешал спать, но в конце концов они привыкли к нему. Одного только Тупию продолжали волновать угрозы, и он каждый вечер обращался к новозеландцам с речью.

– Сойдите на берег, и мы вас всех убьем! – кричали ему в ответ новозеландцы.

– Мы не хотим с вами спорить, – рассудительно отвечал Тупия. – Берег ваш. Но по какому праву вы оскорбляете нас здесь, в море? Море и не наше и не ваше. А сражаться с вами мы не хотим. У нас нет никакого повода к ссоре.

Однажды подобными речами он до того разозлил новозеландцев, что они решились на чрезвычайно дерзкую выходку. Пользуясь ночной темнотой, к «Усердию» подошла пирога, и несколько воинов взобралось на палубу. Они хотели убить Тупию, но, по счастью, он зачем-то спустился вниз. Не найдя Тупии, они схватили его племянника Тайето, швырнули его в пирогу и понеслись к

берегу. Тайето заплакал. Его плач услышали стоявшие на вахте матросы и начали стрелять. Меткий выстрел повалил одного из похитителей. Маленький таитянин воспользовался замешательством, прыгнул в воду и поплыл к кораблю. Через минуту он уже был в объятиях своего дяди.

Обогнув самый северный мыс Новой Зеландии, «Усердие» направилось к югу вдоль западного побережья. Эта часть страны была слабо населена, жители здесь казались дружелюбнее, и путешественники могли свободно гулять по берегу. Во время одной из таких прогулок Кук и Бэнкс взобрались на вершину высокой горы. Весь край лежал перед ними.

– Глядите! – вскричал Кук. – Нас со всех сторон окружает вода. Мы на острове! Где же ваш Южный материк?

Бэнкс обвел горизонт пристальным взором. И вдруг на юге, за узкой полоской воды, он увидел покрытые снегом горные пики.

– Да, мы на острове, – сказал он, – но этот остров только с трех сторон окружен океаном. С четвертой стороны – узкий пролив. А за проливом – Южный материк.

Кук подумал, что Бэнкс, может быть, и прав.

Что, если этот остров находится на таком же расстоянии от Южного материка, как Англия от Европы?

На корабле рассказ Бэнкса о том, что они с горы видели пролив, за которым лежит какая-то большая гористая страна, переполошил всех. В том, что это Южный материк, никто не сомневался. И Кук почувствовал, что он тоже заражается этой общей верой.

«Усердие» на всех парусах понеслось к югу. 8 февраля 1770 года оно вошло в пролив. Кук предложил назвать его проливом Бэнкса.

– Бэнкс первый заметил его с горы, – говорил он.

Но Бэнкс наотрез отказался. Он хотел, чтобы пролив был назван проливом Кука, а так как к этому требованию присоединилась вся команда, то Куку пришлось

согласиться.

Берега пролива Кука были густо заселены. Новозеландцы, завидев корабль, собирались толпами и швыряли в воду тучи копий и камней.

Но Кук не останавливался. Пройдя пролив и снова попав в океан, он повернул на юг и пошел вдоль восточного берега этой неведомой земли.

Ветер дул попутный, и корабль мчался на всех парусах. Жителей не было видно. Эта страна казалась еще мрачнее, чем тот остров, который мореплаватели обошли кругом. исполинские горы загромождали ее и подходили к самому побережью. Долин не было – узкие ущелья отделяли одну гору от другой. Склоны гор покрывал темно-зеленый пушок – это были дремучие леса, – а на вершинах сверкали снега.

9 марта берег круто повернул направо, на запад, а 10-го сделал еще один поворот, на север. Значит, это тоже остров. Пройдя вдоль его западного берега, «Усердие» вернулось к проливу Кука.

– Надеюсь, Бэнкс, – сказал Кук, – вы теперь убедились, что Новая Зеландия к Южному материку никакого отношения не имеет. Она состоит из двух больших островов...

– Знаю, знаю! – перебил его Бэнкс. – Северный остров открыт Тасманом, а южный – вами. Но откуда вы знаете, что Южный материк не лежит к югу от южного острова?

Кук задумался.

– Нет, – наконец сказал он. – Этого не может быть. Вы заметили, какие длинные и ровные волны бьют в южный мыс Новой Зеландии? Такие волны могут идти только из открытого океана. Всякий опытный моряк скажет вам, что там вблизи нет никакой земли.

Австралия

Покинув Новую Зеландию, Кук продолжал свое путешествие на запад.

Перед ним стояла еще одна важная задача – исследовать восточное побережье Австралии. О ее южном и западном берегах было уже кое-что известно благодаря Абелью Тасману и некоторым другим голландским мореплавателям. Но восточный берег все еще оставался полной загадкой для европейцев. Предполагали, что он расположен где-то совсем неподалеку от Новой Зеландии.

Но «Усердие» плыло на запад неделю за неделей, не встречая никакой земли. И только месяц спустя после отплытия из пролива Кука, 19 апреля 1770 года, мореплаватели увидели вдали узкую полосу берега. Австралия оказалась гораздо меньше, чем предполагали европейские ученые. От Новой Зеландии ее отделяло громадное водное пространство.

Кук нашел хорошую бухту, бросил якорь, спустил шлюпку и поплыл к берегу. На берегу стояло человек сорок, голых, с черной кожей.

На корабль они не обращали никакого внимания, но, увидев приближающуюся шлюпку, разбежались. Только два смельчака с длинными деревянными копьями в руках остались на берегу. Они кричали что-то воинственное и угрожающее. Кук подивился их храбрости – в шлюпке было пятнадцать человек. Он знаками объяснил, что у белых самые мирные намерения, что они хотят только набрать пресной воды. Но два упрямых австралийца ничего не желали слушать. Набрав камней, они стали швырять их в шлюпку. Боцман, слегка задетый камнем, выстрелил в одного из австралийцев дробью и попал ему в ногу.

Австралийцы убежали, но когда белые высадились, они снова появились из леса, держа в руках большие деревянные щиты. Напрасно Кук бросал им гвозди и бусы. Они не обращали на подачки никакого внимания и не унимались. Только новый выстрел дробью принудил их оставить моряков в покое.

С тех пор Кук мог беспрепятственно ходить всюду, куда ему вздумается. Он размышлял, нельзя ли в Австралии поселить английских колонистов. Он исследовал почву и увидел, что она черноземна и может давать отличные урожаи. Высокие тучные травы, казалось, только и ждали, чтобы пастухи выгнали на них скот. В океан впадала многоводная река, в которой водилась вкусная рыба. Леса были редкие, но деревья – главным образом эвкалипты – поражали своей высотой и толщиной. Воздух звенел от птичьих голосов, а на

прибрежном песке были видны следы каких-то животных. Кук усердно исследовал страну и был очень доволен своими открытиями.

Одно не удавалось ему – завязать сношения с жителями. Случайно встретив их в лесу, он пробовал заговорить с ними, но они разбежались при его приближении. Поймав двух маленьких девочек, он с ног до головы увесил их разноцветными бусами, надеясь этим привлечь к себе австралийцев. Но когда девочек отпустили, они побросали все бусы на землю и убежали. Тогда он стал оставлять топоры и гвозди в тех местах, где часто бывали австралийцы. Но те и не притрагивались к этим драгоценностям.

Запасшись пресной водой, «Усердие» снялось с якоря и направилось вдоль берега к северу.

Это было скучное плавание. Австралия очень однообразна. Ровная гряда невысоких гор скрывала горизонт. Горы эти напоминали Куку горы Южного Уэлса в Англии, и он назвал весь этот край Новым Южным Уэлсом. Кук старательно составлял подробную карту австралийских берегов и заносил на нее каждый мыс, каждый залив, каждый прибрежный островок.

25 мая они прошли тропик Козерога и вступили из умеренного пояса в тропический. Несколько дней спустя Бэнкс, гуляя по берегу, увидел странное большое животное, у которого на животе был кожаный мешок. Это был кенгуру, до тех пор никогда еще не виданный европейцами. В кожаных мешках на животе кенгуру носят своих детенышей.

Плавание вдоль австралийских берегов было довольно утомительно, но пока вполне благополучно. Никто из моряков и не подозревал, какая их всех подстерегает опасность.

На краю гибели

– Сто двадцать! Сто восемнадцать! Сто двадцать три! – кричал матрос, измерявший лотом глубину.

Вот уже шесть часов «Усердие» шло среди отмелей и подводных скал и никак не могло из них выбраться. Экипаж измучился от ежеминутной перемены курса, от постоянной борьбы с ветром, который то и дело нес корабль на kloкочущие буруны.

Но в десять часов вечера лот перестал доставать до дна, и все вздохнули свободнее. Кук отдал распоряжение идти в открытое море и спустился к себе в каюту.

Через полчаса матрос, все еще продолжавший безуспешно отыскивать лотом дно, вскрикнул от ужаса.

– Сто семь футов! – объявил он.

И, раньше чем ему удалось снова закинуть лот, раздался пронзительный скрип, потом треск ломающегося дерева, и «Усердие» остановилось. Паруса в последнем усилии надулись гигантскими пузырями и склонили судно набок. Правый борт почти касался воды.

Через полминуты Кук уже стоял на покато́й палубе.

– Все паруса долой! – приказал он.

Паруса убрали, но судно не выпрямилось. Оно застряло в расщелине подводного рифа. Камни впились в его деревянные бока, и нелегко было вырваться из этой клешни.

К Куку подошел доктор Монкгауз.

– Подождите прилива, сэ́р, – сказал он. – Прилив подымет и освободит нас.

– Сейчас самая высшая точка прилива! – крикнул Кук. – Дальше может быть только отлив.

Монкгауз понял, что попал впросак. Но Кук сразу забыл опрометчивого доктора. «Надо облегчить корабль во что бы то ни стало», – думал он.

И приказал:

– Пушки за борт!

Девять пушек кинули в море. Брызги взлетели до верхушек мачт. Но «Усердие» даже не шелохнулось.

– Выливайте пресную воду! – крикнул капитан.

Бочки были выволочены на палубу, и с таким трудом добытая питьевая вода полилась в море. Но уже начался отлив, исчезла всякая надежда освободиться до дневного прилива.

Весь ужас своего положения мореплаватели поняли только утром, когда рассвело. С каждой набегающей волной корабль терся о камень и медленно разрушался. Кругом плавали обломки киля и обшивки. Стоило ветру чуть-чуть окрепнуть, и через двадцать минут от «Усердия» остались бы одни щепки.

Кук послал в трюм плотника. Он опасался, нет ли в днище сквозной пробоины. Плотник вернулся с побледневшим лицом и сказал:

– Сэр, там вода!

«Началось!» – подумали моряки, но никто не произнес ни слова.

Кук сам спустился в трюм. Ящики и пустые бочонки плавали в черной воде, медленно, почти незримо, подымаясь.

– К помпам! – крикнул Кук и ушел в свою каюту.

Заскрипели две помпы, выливая в море мутные струи. Матросы разделились на три команды, которые качали воду поочередно.

Пришел долгожданный дневной прилив, но не принес освобождения. Он оказался слабее ночного и только слегка приподнял корму судна.

В шесть часов уровень воды в трюме снова начал подыматься, и пришлось поставить третью помпу. Четвертая помпа, запасная, оказалась испорченной. Кук приказал выбросить ее за борт.

Моряки были измучены. Команды, работавшие у помп, принуждены были меняться каждые семь минут. Офицеры становились на место падавших от утомления матросов и работали наравне со всеми. Никто не роптал. Каждый чувствовал, что от этого мучительного труда зависит его собственное спасение.

Когда стемнело, к Куку подошел Бэнкс.

- Вы надеетесь сняться со скалы? - спросил он.

- Надеюсь, - ответил Кук. - Ночью прилив будет очень высок.

- Австралийский берег находится в восьми милях от нас, - сказал Бэнкс. - Сможет ли «Усердие» добраться до него с такой огромной пробоиной в днище? Сейчас скала затыкает дыру, как пробка, но когда мы освободимся...

Кук молчал.

- В шлюпках поместится не больше половины команды, - продолжал Бэнкс. - Остальные обречены на гибель. Что мы будем делать?

- Что мы будем делать? - переспросил Кук. - Вы да я? Мы останемся на корабле.

Но Кук знал, что это не выход из положения. Матросам тоже не поместиться на шлюпках.

А что ожидает тех, кому удастся добраться до австралийского берега? Одинокая жизнь вдали от родины и близких. Впрочем, будь что будет. А пока надо работать.

Кук подошел к помпе, расстегнул ворот рубашки и стал вместе с изнемогавшими матросами выкачивать воду. Теперь команды менялись уже каждые пять минут. И когда приходила смена, кончившие работать падали от усталости и лежали, не двигаясь, пока снова не наступала их очередь.

Начался прилив. Уровень воды достиг уже высшей точки дневного прилива и все еще продолжал подыматься. Все шлюпки были спущены на воду и привязаны канатами к корме корабля, чтобы попытаться стянуть его со скалы.

Вода подымалась все медленнее и медленнее. Корабль зашевелился и стал оживать.

Ура! Палуба выровнялась, «Усердие» плавно закачалось на волнах.

Все весла шлюпок с плеском опустились в воду. Канаты натянулись, и корабль, пятясь задом, слез со скалы. Теперь под ним глубина. Они свободны!

Мигом были поставлены все паруса. Но ветра почти не было, и гигантские полотнища повисли, как мешки, чуть-чуть колыхаясь. Корабль медленно пошел к берегу.

Первые десять минут моряки были в восторге. Они радостно обнимали друг друга. Даже помпы застучали веселее. Но вскоре стали замечать, что корабль как-то странно осел, что с палубы поверхность моря уже не кажется такой далекой, как раньше, и, заглянув в трюм, поняли безвыходность своего положения.

– Сэр, – сказал доктор Монкгауз, подходя к Куку, – через четверть часа вода начнет заливать каюты.

– Я это знаю сам, – ответил Кук.

– Сэр, – продолжал Монкгауз, – я придумал, как заткнуть пробойну.

Доктор рассказал свой план Куку, и через минуту на палубе разостлали огромный старый парус. Доктор вымазал его липким навозом. Навоза набрали несколько ведер в хлеву, где жили купленные на Таити свиньи. Поверх навоза густо набросали паклю и, когда она присохла, сбросили распластаный парус за борт. Парус мигом был подтянут под корабль. Пробойна присосала его к себе, и течь была остановлена. Помпы продолжали работать, и палуба начала медленно подыматься.

На рассвете «Усердие» бросило якорь в устье большой реки.

Пожар

Но несчастья путешественников еще не кончились. Корабль оказался в гораздо худшем состоянии, чем предполагали. Заделать пробоину было мало – все днище до того стерлось, что местами было не толще сапожной подошвы.

В довершение всего на корабле появилась цинга. Цинга – это болезнь, которая происходит от недостатка свежей пищи. Со дня отплытия из Новой Зеландии моряки не ели ничего, кроме морских сухарей и солонины. Мучительная ночь, проведенная на подводном камне, окончательно подорвала их силы. Особенно мучился Тупия. Он, с детства привыкший к сырым фруктам, не мог больше видеть соленого мяса и сухого хлеба и еле волочил ноги.

Кук тотчас же послал экспедицию за плодами, овощами и дичью. Но, увы, эта часть Австралии оказалась совсем бесплодной. Пески, сухая трава да увядший от зноя и безводья лес. Экспедиция вернулась, не найдя ничего, кроме гигантского морского слизняка.

Многочисленные следы босых человеческих ног на песке показывали, что земля эта обитаема. И действительно, вскоре возле раскинутых на берегу палаток показалось несколько австралийцев, точно таких же, как те, которых наши путешественники видели раньше. К англичанам они отнеслись без всякого любопытства. Кук им дарил бусы, топоры и ткани, но они тотчас же швыряли все эти подарки на землю, не видя в них никакой ценности. Ценным они считали только то, что можно есть. Еду они ставили выше всего на свете.

Из-за еды у них произошла ссора с белыми, которая едва не стоила жизни Куку и его товарищам.

Вот как это случилось.

Однажды нескольким матросам посчастливилось убить двух огромных черепах. Кук очень обрадовался. Он думал, что свежее мясо поможет цинготным

больным, и приказал зажарить черепах на обед. Вдруг австралийцы, ни слова не говоря, схватили одну черепаху и потащили ее в лес. Но черепаха тотчас же была у них отнята. Австралийцы были очень удивлены и объяснили, что им хочется есть. Кук приказал накормить их сухарями, которых на судне было вдоволь. Австралийцы досыта наелись сухарей. Сытые и сонные, они встали, снова взвалили себе на спину черепаху и медленно побрели к лесу.

Это рассердило и рассмешило англичан. Черепаха была отнята вторично. Австралийцы обиделись. Подбежав к костру, на котором плотник варил смолу для конопачения судна, они схватили горящие головни и принялись поджигать траву вокруг лагеря.

Кук приказал стрелять. Но было уже поздно. Высокая сухая трава горела, как порох. Морской ветер вздувал пламя, и оно горячим кольцом обступало мореплавателей.

– К воде! На корабль! – вскричал Кук.

Но все уже и без приказания со всех ног неслись к берегу.

Пламя не отставало от них ни на шаг. И только слегка задержавшая огонь песчаная дюна дала им возможность вовремя прыгнуть в воду.

Через пять минут они были уже на корабле, в полной безопасности.

А пламя продолжало с необыкновенной быстротой распространяться по всему побережью. Горели поля, рушились столетние эвкалипты в лесах. Огонь переливался из ложбинки в ложбинку, а вечером, когда стемнело, медленно полез вверх по лесистым склонам далеких гор. К утру пожар дополз до горизонта.

Четверо суток мореплаватели сидели на корабле, разглядывая океан огня, опустошающий всю страну.

– Безумцы! – говорил Бэнкс, вспоминая австралийцев, которые из-за одной черепахи натворили столько бед. – Ведь они и сами заживо сгорели!

Но, когда клубы дыма рассеялись, Кук через подзорную трубу увидел далеко в море несколько связанных вместе бревен, на которых мирно сидели австралийцы с удочками в руках.

Беспримерное плавание

Наконец «Усердие» кое-как починили. Надо было собираться в путь.

К сожалению, Кук не мог и думать о немедленном возвращении в Англию. Измученная команда не вынесла бы такого длинного путешествия, да и корабль требовал хорошего, настоящего ремонта. Кук решил добраться до ближайшего места, где жили европейцы, – до города Батавии в голландской колонии на острове Ява.

Чтобы снова не сесть на риф, в море послали шлюпку с поручением составить карту всех мелей и подводных скал. Шлюпка вернулась только через два дня и привезла безрадостные вести.

Оказалось, что вдоль всего восточного берега Австралии тянется подводный барьер из коралловых рифов, загораживающий путь в открытое море. Этот барьер, как тюремная стена, отрезал их от всего мира.

Началось беспримерное в истории путешествий плавание. Триста шестьдесят миль прошли мореплаватели, ежеминутно измеряя дно лотом. Корабль двигался на север по узкому проходу между берегом Австралии и коралловым рифом. Беспрестанные мели до того истрепали «Усердие», что все его старые раны открылись. Воды прибывало в трюме на девять дюймов в час, и больная цингой команда должна была днем и ночью работать у помп.

Но, когда наконец они обогнули коралловый барьер, перед ними встала не менее трудная задача: берега Новой Гвинеи преградили им путь. А в те времена не знали, является ли Новая Гвинея островом или составляет часть Австралийского материка. Если бы оказалось, что Новая Гвинея составляет часть Австралийского материка, им пришлось бы огибать и Новую Гвинею. Это очень удлинило бы их путь, и Кук решил попытаться поискать пролива между Новой Гвинеей и

Австралией.

К счастью, этот пролив был найден, и две недели спустя «Усердие» уже плыло среди островов Индонезии.

Тут легко было достать фрукты, и цинга стала проходить. Но на корабле появилась другая страшная болезнь – малярия. Корабль стал похож на госпиталь. Здоровые были до того истощены, что у них не хватало сил ухаживать за больными. К довершению несчастья, хирург Монкгауз, единственный врач на корабле, сам заболел малярией и через несколько дней умер.

Тупия и его племянник Тайето не вставали с постели. Опасались и за жизнь Бэнкса. Только необыкновенная сила воли поддерживала Кука. Почти каждую ночь выбрасывали за борт нового мертвеца.

И когда наконец «Усердие» вошло в гавань Батавии, некому было убрать паруса.

Батавия – это большой город на острове Ява, который сейчас называется Джакартой и является столицей Индонезийской республики. Во времена Кука остров Ява, как и вся Индонезия, был захвачен Голландией, и города на нем носили голландские названия. С радостью смотрели измученные путешественники на двухэтажные каменные дома, на мощеные улицы, на высокие церкви. Вся команда покинула «Усердие» и поселилась в лучшей гостинице города. Их корабль, так доблестно боровшийся с бурями и мелями, был отдан для ремонта на хорошую верфь.

Тупия, почувствовавший себя немного лучше, гулял по городу и с достоинством ко всему приглядывался. Он помнил, что был у себя на родине важным человеком, и не хотел показывать чужеземцам свое удивление. Но по лицу его Кук видел, как он глубоко потрясен великолепием и грандиозностью города.

– Почему здесь все одеваются по-разному? – спросил он однажды Кука.

– Потому, что сюда съехались люди из разных стран, – ответил Кук, – а в разных странах – разная одежда. У голландцев одни наряды, у малайцев – другие, у англичан – третьи.

– Я тоже хочу быть одетым, как одеваются на моей родине, – сказал Тупия, снял подаренный ему матросский костюм и облачился в свои таитянские одежды.

Одно не нравилось ему: жестокое обращение белых со своими рабами – малайцами.

– Неужели и с таитянами вы сделаете то же самое? – спрашивал он, глядя, как здоровенный голландец погоняет кнутом четырех рабов, впряженных в тяжелую телегу.

Первое время после прибытия в Батавию все больные чувствовали себя легче. Но несколько дней спустя малярия возобновилась. Каждый день уносила кого-нибудь смерть. Умер маленький Тайето. А за несколько дней до отплытия из Батавии умер и Тупия. Ему не довелось увидеть Англию, в которую он так стремился.

Дальнейший путь «Усердия» пролегал по хорошо уже известным морям. Обогнув южную оконечность Африки – мыс Доброй Надежды, – наши путешественники вошли в Атлантический океан и 12 июня 1771 года, после почти трехлетнего отсутствия, прибыли в Англию.

Второе плавание. Поиски южного материка

Снова в путь

Имя Кука облетело всю Англию. Статьи о нем появились во всех газетах. Книжки с описанием его путешествия покупались нарасхват и переводились на иностранные языки.

Весь ученый мир переполошился. Астрономы обсуждали его наблюдения над прохождением Венеры через диск Солнца; ботаники – привезенные им травы; зоологи – виденных им в Австралии животных; геологи – вопрос об образовании тихоокеанских островов; этнографы – язык и обычаи новозеландцев.

Но больше всех волновались географы. Давно уже не получали они столько драгоценных сведений. Определение берегов Австралии и Новой Зеландии сразу заполняло огромное белое пятно, украшавшее в то время все европейские карты. А пролив между Новой Гвинеей и Австралией – разве это не грандиозное открытие!

Однако особенно удивило ученых то, что Кук не нашел Южного материка. Южный материк, по их мнению, должен был находиться именно в тех самых широтах, которые посетило «Усердие».

Заседания Лондонского географического общества были похожи на бурю.

– Южного материка не существует! – утверждали одни. – Капитан Кук доказал это с полной очевидностью!

– Южный материк существует! – утверждали другие. – Без него земной шар потерял бы равновесие и свалился бы набок. Но Южный материк расположен южнее тех мест, которые посетил капитан Кук. Если бы этот храбрый путешественник догадался, покинув Новую Зеландию, взять курс на юг, его имя было бы теперь знаменитее имени Колумба.

Английскому правительству во что бы то ни стало хотелось открыть этот неведомый Южный материк. Мало ли какие богатства могли таить его горы, мало ли какую выгоду можно было извлечь из торговли с его обитателями!

И Адмиралтейство решило послать новую экспедицию, поручив ей проникнуть как можно дальше к югу. Единственным человеком, который мог стать во главе такой экспедиции, был капитан Кук.

На этот раз ему дали не один корабль, а два, причем каждый из них был больше «Усердия». Первый из этих кораблей, на котором должен был плыть сам Кук, назывался «Решением», а второй, находившийся под командой подчиненного Куку капитана Фюрно, – «Отвагой».

Куку поручили обойти вокруг земного шара, стараясь держаться возможно ближе к Южному полюсу. А зимой, когда ему волей-неволей придется возвращаться к тропикам, он может продолжать свое исследование

тихоокеанских островов.

Новые спутники должны были сопровождать Кука в этом плавании, так как хирург Монкгауз и астроном Грин умерли в пути, а здоровье Бэнкса навсегда было подорвано злокачественной малярией, которой он заболел у островов Индонезии.

Теперь с Куком плыли два естествоиспытателя – отец и сын Форстеры, два астронома – Уэлс и Бэйли и художник Вильям Годжс, взятый для того, чтобы зарисовывать обитателей дальних стран. Кук особенно подружился с младшим Форстером, молодым талантливым ученым.

13 июля 1772 года «Решение» и «Отвага» вышли из Плимута, 29 октября они прибыли к мысу Доброй Надежды, южной оконечности Африки.

На мысе Доброй Надежды Форстер-сын встретил шведа – ботаника доктора Спармана, который занимался изучением южноафриканской растительности.

Форстер предложил ему примкнуть к экспедиции Кука, и Спарман с удовольствием согласился. Таким образом, на «Решении» появился новый пассажир, чрезвычайно полезный своими научными познаниями.

Ледяные горы

Прикупив съестных припасов и дав отдохнуть матросам, Кук покинул Африку и пошел прямо на юг.

С каждым днем погода становилась все холоднее и пасмурнее. Начались дожди, которые мало-помалу сменились снегом. 10 декабря под 50о 40 южной широты были встречены первые плавучие льдины.

Многие из этих льдин были необычайно велики. Однажды «Решение» чуть было не столкнулось в тумане с ледяной горой, которая была в четыре раза выше самой высокой его мачты. Столкновение с подобной льдиной неминуемо кончилось бы гибелью судна.

Отважные мореплаватели, напряженно вглядываясь в беспросветную пелену падающего снега, продолжали свой путь на юг.

Кук заметил, что все ледяные горы плывут с юга на север, несмотря на то что ветер дует северный. Это заинтересовало его, и он стал предполагать, что их несет какое-то сильное морское течение. Форстер-отец и астроном Уэлс вызвались измерить скорость этого течения.

Захватив с собой измерительные инструменты, они вдвоем сели в шлюпку и отъехали от корабля. Волны бросали шлюпку, как мячик. Липкий снег застилал им глаза. Но они мужественно работали.

– Где «Решение»? – внезапно спросил Уэлс, поднимая голову.

Форстер поглядел по сторонам. Действительно, «Решения» нигде не было видно. Всюду, куда ни кинешь взор, плыли льдины. Они обступили шлюпку кругом.

– «Решение» вон за той ледяной скалой, – сказал Форстер. – Эта громада заслонила от нас корабль. Придется обойти ее.

Они налегли на весла. Вот льдина обойдена. Но за ней, чуть-чуть раскачиваясь, оплескиваемая волнами, плывет вторая такая же.

Где же «Решение»?

Они обогнули и вторую льдину, и третью, и четвертую. Мудрено ли потеряться в этом безмерном движущемся однообразном лабиринте?

Корабль исчез бесследно.

Они гребли с лихорадочной торопливостью. Несмотря на холодный, пронизывающий ветер, пот катился по их спинам.

Проходили часы. Весла уже выпадали у них из рук.

Наступили сумерки. Уэлс лег на дно лодки животом вниз и закрыл глаза. Одни, без пищи, в неведомом бушующем океане!

Но вот сквозь сумрак до них донесся далекий, еле слышный звон. Они вскочили и схватили весла. Льдину за льдиной огибали они, крича в летящий снег, в ветер. Уже опять не хватает сил грести, уже из горла рвется хрип, а не крик...

Перед ними черная корма «Отваги»!

Капитан Фюрно напоил полумертвых от усталости и холода ученых горячим пуншем и уложил спать.

14 декабря льды сомкнулись перед кораблями. Смерзшиеся глыбы превратились в холмистое ледяное поле и преградили дальнейший путь на юг.

В течение двух недель Кук пытался обогнуть это поле то с востока, то с запада, но безуспешно. В ледяном поле не было ни одного прорыва, ни одного канала. Быть может, Южный материк находится еще южнее, за этими льдами. Но доступ к нему был невозможен.

Кук повернул на север и направился к далекой Новой Зеландии. Если ему удастся запастись там провизией, можно будет посвятить зиму исследованию тропической части Тихого океана. А следующим летом ему хотелось снова вернуться на юг и попытаться проникнуть как можно дальше к полюсу. Нужно же в конце концов либо открыть Южный материк, либо доказать, что он не существует.

Когда они уже выбрались из льдов, случилась новая неприятность: Кук перестал видеть «Отвагу». Корабли ночью разошлись в океане. Напрасно «Решение» бороздило волны взад и вперед, напрасно палили из пушек.

Впрочем, Кук не очень беспокоился. Он знал, что капитан Фюрно пойдет в Новую Зеландию и подождет его в проливе Кука.

Страшные слухи

Наступил март. Март в Южном полушарии – осенний месяц. Кук торопливо шел к северу, убегая от полярной зимы.

25 марта 1773 года мореплаватели заметили берег Новой Зеландии. Они покинули Африку около пяти месяцев назад. Почти полгода провели в океане, не видя суши.

«Решение» бросило якорь в удобной бухте, расположенной на юго-западном углу южного острова Новой Зеландии. Кук назвал ее Мрачной.

Но Мрачная бухта оказалась мрачной только с виду. Для измученных путешественников она была раем. Отыскав удобную якорную стоянку, Кук тотчас же разделил матросов на отряды охотников, рыболовов и ботаников. Охотники отправились в лес за дичью, рыболовы закинули сети, а ботаники под начальством обоих Форстеров разбрелись по берегу в поисках растений, пригодных для пищи.

Новозеландцев на берегу было мало, и, должно быть, поэтому они отнеслись к англичанам весьма миролюбиво. Их вождь приехал вместе с дочерью на корабль и в знак учтивости непременно хотел вымазать голову Кука каким-то вонючим желтым жиром. Куку стоило огромного труда увильнуть от этой любезности, но тогда настойчивый вождь стал приставать к офицерам, и добросердечный швед Спарман, не умевший никому ни в чем отказывать, кротко предоставил ему свою голову; вождь расщедрился и под хохот всей команды вымазал его с ног до головы.

Рыбы наловили множество, набрали всяких дикорастущих овощей, но дичи не нашли, и охотники вернулись ни с чем. В этих густых лесах не было зверей, и даже птиц, годных в пищу, было мало. Новозеландцы жили впроголодь. Они промышляли рыболовством, но сети их были так плохи, что и рыбы им не хватало.

18 мая «Решение» снялось с якоря и направилось в пролив Кука, где, по условию, его должна была дожидаться «Отвага». Путешествие вдоль берегов южного острова Новой Зеландии было вполне благополучно, и неделю спустя мореплаватели вошли в пролив.

Капитан Фюрно дожидался здесь уже больше месяца. Ему удалось установить с новозеландцами хорошие отношения, и они каждый день привозили на корабль несколько корзин с рыбой в обмен на топоры и бусы.

– Это воинственный народ, – рассказывал Куку капитан Фюрно. – У них не только племена постоянно воюют друг с другом, но и деревни и даже отдельные семьи. И при этом все голодают. Да и мудрено ли – из домашних животных у них есть только собаки. Мне даже рассказывали... Впрочем, я этому не верю...

– Что вам рассказывали? – спросил Кук.

– Один новозеландец говорил мне, будто они едят человеческое мясо. Но я, должно быть, просто не понял его.

– Вы его не поняли, – сказал Кук. – Никогда не верьте рассказам о людоедах, это глупые басни. Я изъездил немало здешних островов и нигде не встречал людоедов.

Маленькое солнышко

Вокруг Таити расположено много небольших островков. Каждый из них с моря кажется пышным плавучим садом. Все они похожи на Таити – на каждом такие же горы, такие же леса и луга, такие же прозрачные речки, только меньше. Живут на них те же таитяне. Островки эти расположены так близко друг от друга, что туземцы легко переезжают с одного острова на другой в своих пирогах.

Кук, прежде чем пристать к Таити, посетил несколько этих островков. Жители их уже слышали о европейцах и не удивились их приезду. Всюду путешественников ждал самый дружеский прием. Кук закупал фрукты и свинину, щедро платя железом и бусами.

Однажды к «Решению» на пироге приплыл шестилетний мальчик и кинул на палубу большой банан. Кук бросил ему пригоршню блестящих бусинок. Но промахнулся, и бусинки попали не в пирогу, а в воду. Мальчик не долго думая

выпрыгнул из пироги и нырнул. Кук считал его уже погибшим, когда он снова показался на поверхности, держа в руке две бусинки.

Бросив их в пирогу, он снова нырнул и нырял до тех пор, пока не собрал со дна все, что бросил Кук. А между тем до дна было несколько метров.

Этот случай показал морякам, как высоко развито у островитян искусство плавания. В воде они чувствовали себя так же легко и свободно, как на суше. Впоследствии Кук видел женщин, которые проплывали много километров, держа в руках грудных ребят. Они порой останавливались среди бушующих волн и кормили грудью своих детей.

Все вожди этих островов стремились побывать у Кука в каюте. Они приносили Куку свиней, а Кук дарил им топоры и ткани. Несмотря на то что на корабле было столько невиданных и загадочных вещей, они ничему не удивлялись, так как боялись уронить свое достоинство. Только один из них, помоложе и посмышленей, заинтересовался тиканьем карманных часов и попросил объяснить ему, о чем говорит эта таинственная игрушка. Кук объяснил, что часы показывают время, и молодой вождь стал называть их «маленьким солнышком», так как островитяне узнавали время только по солнцу.

Королева в изгнании

В августе суда прибыли на Таити. Мореплавателей встретили, как старых друзей. Их зазывали в каждую хижину. Многие спрашивали про Тупию и, узнав, что он умер, печально качали головами.

Путешественникам рассказали, что королева Оберея свергнута с престола. После отъезда Тупии она потеряла всякое влияние. Теперь страной правил король О-Ту.

Кук, желая заручиться дружбой этого нового властителя, нанес ему визит вместе с Форстером-младшим и несколькими офицерами.

О-Ту был рослый мужчина лет тридцати. Он жил далеко не так скромно, как Оберея, – его всюду сопровождала большая свита.

Кук начал с того, что сделал королю и его приближенным богатые подарки. Король тотчас же послал своих служанок за домоткаными полотнами. Эти полотна были выкрашены в пунцовый, розовый и соломенно-желтый цвет и пропитаны благовонными маслами.

Служанки окутали ими офицеров поверх мундиров, и те едва могли двигаться в своих пышных мантиях.

О-Ту спросил Кука о здоровье Бэнкса, хотя никогда его не видел. Кук поблагодарил короля и позвал обедать к себе на корабль.

На другой день О-Ту приехал на «Решение» вместе со всей своей свитой. Взойдя на палубу, он приказал окутать Кука самыми драгоценными тканями. Через минуту Кук превратился в огромный пунцовый куль, из которого торчала только его голова. Кое-как избавившись от этих пут, он пригласил гостей в кают-компанию.

Но король, человек от природы трусливый, ни за что не хотел спуститься по трапу вниз. Трудно сказать, чего он боялся. Должно быть, в четырех стенах он чувствовал себя, как в западне. Чтобы проверить, не угрожает ли ему что-нибудь, он послал вперед своего младшего брата и осмелился спуститься вниз, только когда его брат вернулся цел и невредим.

За обедом О-Ту ничего не ел. Он боялся, как бы его не отравили. Зато гости уплетали с невероятной быстротой все, что им приносили. Ложки и вилки смешили их. Они не понимали, зачем есть вилкой, когда руками куда скорее и удобнее.

Одного вельможу кормили слуги. Он держал свои руки под столом.

– У вас, верно, больные руки? – вежливо спросил его Кук.

Но вельможа возмущенно поднял обе руки в воздух. Ногти его были вдвое длиннее пальцев.

Как потом выяснилось, этот таитянин никогда не стриг ногтей и бережно ухаживал за ними, чтобы все видели, что он богат и что ему не приходится работать. Только ноготь на мизинце левой руки был обыкновенной длины. Он не отращивал его, чтобы было чем чесаться, – нельзя чесаться слишком длинным ногтем.

Несколько дней спустя лейтенант Пикерсджил, служивший еще на «Усердии», пошел в глубь острова, в горы, где англичанам никогда не случалось бывать. Проплутав несколько часов по горным тропинкам, он спустился в небольшую долинку и подошел к бедной таитянской хижине, надеясь достать съестного. Ему навстречу вышла старая толстая женщина и, увидев его, громко захохотала. По этому смеху он сразу узнал ее – это была королева Оберея. Она жила теперь одиноко, в глубокой бедности. У нее была всего одна свинья, а это считалось на Таити нищетой. Но она, казалось, нисколько не тяготилась переменой своего положения и, угощая Пикерсджила бананами, смеялась так же громко, как в те времена, когда была королевой.

Пикерсджил предложил ей посетить капитана Кука.

– Не могу, – ответила она. – Я в ссылке. О-Ту рассердится, если увидит меня на берегу.

Лейтенант подарил ей целую связку бус, зная, что эти бусы представляют на Таити такую ценность, что опальная владычица будет обеспечена на всю жизнь.

Уезжая, Кук и Фюрно взяли к себе на корабли двух молодых таитян – Порэ и Омая. Они решили привезти их в Англию. Порэ должен был плыть на «Решении», а Омай – на «Отваге».

Суда покинули Таити 1 сентября. Когда берег скрылся из виду, Порэ, который так мечтал повидать Англию, расплакался. Вечером они увидели островок Балаболу, расположенный всего в нескольких милях от Таити.

– Высадите меня на Балаболу! – взмолился Порэ. – Я не хочу ехать в вашу Англию. С Балаболы я как-нибудь доберусь до родины!

Кук исполнил просьбу таитянина. Узнав об этом, капитан Фюрно спросил Омая, не хочет ли и он вернуться домой.

– Нет, – ответил Омай. – Я не такой трус, как Порэ. Везите меня хоть на край света.

И действительно, Омаю удалось побывать в Англии.

На Балаболе к Куку подошел мальчик лет семнадцати, по имени Эдидей, и попросил его взять с собой вместо Порэ. Кук охотно согласился.

Острова Дружбы

Кук знал, что на 12° южной широты и 175° западной долготы расположены какие-то острова. Эти острова открыл голландский мореплаватель Абель Тасман за сто тридцать лет до второго плавания Кука. С тех пор их не видел ни один европеец.

Кук решил посетить эти острова.

1 октября 1773 года, в два часа пополудни, он заметил низкий берег и, подойдя ближе, различил два рядом лежащих острова, разделенных узким проливом.

Растительность этих островов была похожа на таитянскую: такие же пестрые кудрявые рощи покрывали всю страну. Но им не хватало главного украшения Таити – тающих в воздухе гор. Острова были плоские.

Суда остановились в проливе. Тотчас же их окружили пироги. Кук стал знаками приглашать островитян взойти на корабль, но они долго не решались и в страшном возбуждении кричали.

В этом шуме Кук расслышал несколько слов, которые показались ему похожими на таитянские, и попросил Эдидея сказать, что моряки никому не желают зла и зовут их к себе на корабль.

Эдидей, польщенный таким важным дипломатическим поручением, произнес торжественную, витиеватую речь. Он говорил целых полчаса, подыскивая самые

пышные слова, самые цветистые сравнения. Но островитяне не обратили на него никакого внимания, и все его труды пропали даром.

Только под вечер, когда уже начало смеркаться, на палубу влез огромный раскрашенный островитянин. Кук с удивлением заметил, что у него не было никакого оружия. Это доверие и бесстрашие растрогали капитана. Даже таитяне не решились всходить на корабль безоружными.

Туземец держал в руке корень растения, из которого делают каву. Подойдя к Куку, он безмолвно похлопал его этим корнем по носу с таким видом, будто совершал важный обряд. Кук удивился. Как потом выяснилось, это был просто знак приветствия.

Потом островитянин заговорил.

Язык, на котором он говорил, отличался от таитянского и новозеландского только произношением слов. Кук понял, что и таитяне, и новозеландцы, и жители этих островов, в сущности, один народ.

Впоследствии народ этот назвали полинезийцами.

Эдидей мог кое-как объясняться с местными жителями, и поэтому молодой таитянин был призван для переговоров. Ему удалось узнать, что большой остров называется Тонгатабу, а меньший – Эоа и что жители их рады прибытию заморских гостей.

Приветливость островитянина сразу расположила к нему всех. Он все время улыбался, не перебивал, когда с ним говорили, и ни разу не попытался ничего украсть.

Кук нацепил ему на шею несколько ниток бус, и он так обрадовался, что принялся плясать по палубе. Но, уходя, снял бусы и вернул их Куку, думая, что их дали ему только на время. И когда ему объяснили, что он может их взять себе навсегда, он был счастлив.

– Всем покажи эти бусы, – сказал Эдидей, – и вели завтра привезти нам свинины, рыбы и фруктов. Тогда каждый получит такие же бусы, как у тебя.

Наутро на берегу началась торговля. Собралась такая толпа, что невозможно было протолкаться. Островитяне поразили Кука своей честностью – никто не пытался обмануть его или обсчитать.

Кук пошел в глубь острова на поиски пресной воды. За ним следовала огромная толпа. Он шел от деревни к деревне, и всюду его встречали все новые толпы. Казалось странным, что такое множество людей может жить на таких, в сущности, маленьких островах.

Путешественники шагали по отлично утрамбованной дороге, обсаженной по краям бананами. А кругом простирались поля и сады, перегороженные вдоль и поперек деревянными плетнями. На Таити Кук никогда не видел ничего подобного. Там земли было сколько угодно и никто не отгораживал своего участка, здесь все было запаханно, засажено, каждая пальма имела своего владельца, который ухаживал за ней. И все же Кук не мог не заметить, что, несмотря на все старания жителей, деревья здесь ниже, чем на Таити, и урожай меньше. Эти острова состояли из твердого кораллового рифа, покрытого тонким слоем чернозема. Их почва не могла сравниться с тучной почвой Таити.

На перекрестках дорог и тропинок стояли большие сараи, оплетенные каким-то вьющимся растением вроде плюща. Кук сначала принял их за амбары, но потом понял, что это храмы, которые туземцы называют «а-фия-тука». В них стояли безобразные истуканы, высеченные из черного камня. Кук не хотел дотрагиваться до них, боясь оскорбить религиозные чувства островитян, но вскоре увидел, что они нисколько не уважают своих богов – вертят их из стороны в сторону, бьют ладонями по лицу и даже швыряют на пол.

При каждом а-фия-туке жил жрец. Он встречал капитана длинной речью. Выслушав несколько таких речей от разных жрецов, Кук заметил, что все они говорят слово в слово одно и то же. Некоторые сбивались, забывали, что надо сказать, и тогда толпа хором напоминала им. По окончании речи перед жрецом насыпали груды бананов, которую он тут же должен был съесть.

Куку не удалось найти хорошую воду. На этих островах не было прозрачных горных ручьев, которых так много на Таити и в Новой Зеландии. Жители пили мутную солоноватую жижу из грязных прудов и колодцев.

Собак у островитян не было, но зато были куры, которых не знали ни таитяне, ни новозеландцы. Матросы сейчас же купили себе нескольких петухов и заставили их драться.

Петухи дрались с необыкновенной яростью. Матросы ничего не жалели, чтобы только достать петухов. Они отдавали островитянам пуговицы с мундиров, носовые платки, сапожные шнурки, перочинные ножи.

– Бей! Вали! Так его! – с утра до вечера на палубе подбадривали матросы своих бойцов.

Эдидей и Омай, никогда не выдавшие петухов, сначала относились к ним с недоверием и страхом. Но потом заразились общим азартом, купили себе отличных птиц и так вымуштровали их, что все матросские петухи были биты.

Как-то утром Куку сообщили, что на берегу его поджидает главный вождь Тонгатабу и Эоа. Кук поспешил на берег.

На камне сидел человек необъятной толщины. Огромное брюхо свешивалось между колен. Глаз не было видно – вздутые щеки заслоняли их. Он сидел и жевал. Это и был главный вождь.

Кук заговорил с ним, но он не ответил ни слова. Кук обвесил его простынями, топорами и бусами, но он даже не шевельнулся. Лицо его не выражало ничего.

Кук постоял, постоял и ушел.

А на другой день островитяне привезли на «Решение» пятьдесят свиней.

– Властелин острова дарит их властелину кораблей, – сказали они.

Пятьдесят свиней – совершенно необычайное богатство для островитян Тихого океана.

– Неужели этот толстяк так богат, что может делать такие подарки? – удивлялся Кук.

7 октября корабли вышли в море. Издали с мачт были видны другие острова, принадлежащие к тому же архипелагу, что и Тонгатабу. Но уже началась весна, Кук не останавливался – он спешил к югу, чтобы продолжать поиски Южного материка. Весь архипелаг он решил назвать «острова Дружбы».

– Нигде нас не встречали так дружелюбно, как здесь, – говорил он своим офицерам.

Настоящее название этих островов – острова Тонга. Но на европейских картах надолго сохранилось название, которое дал им Кук.

Людоеды

По пути на юг Кук хотел еще раз посетить Новую Зеландию.

У новозеландских берегов бушевал ураган. Волны вздымались выше мачт и с ревом обрушивались на палубу. Ветер был так силен, что сбивал людей с ног; дождь лил не переставая.

Только на пятые сутки, когда моряки окончательно выбились из сил, улегся ветер, прояснилось небо и выглянуло солнце.

Вдали, на краю горизонта, синели горы южного новозеландского острова. Над клокочущим морем кричали альбатросы. Кук жадно вглядывался в даль. Но «Отваги» нигде не было видно.

Во время бури корабли потеряли друг друга. Напрасно «Решение» палило из пушек, напрасно оно заходило в каждую бухту – его верная спутница пропала бесследно. И Кук сильно тревожился.

– Не беспокойтесь, – утешали его офицеры. – «Отвага» – отличный корабль, с ним ничего не могло случиться. Капитан Фюрно, верно, давно уже поджидает нас в проливе Кука.

И, несмотря на то что «Решение», сильно потрепанное бурей, требовало немедленной починки, они направились в пролив Кука.

Но «Отваги» не оказалось и там.

Кук с помощью Эдидея, который оказался отличным переводчиком, расспрашивал туземцев, не видали ли они здесь несколько дней назад «другого плавучего острова с белыми крыльями».

Не видали, – отвечали новозеландцы.

Куку оставалось только одно – ждать. Он не сомневался, что капитан Фюрно догадается зайти в пролив Кука, если, конечно, «Отвага» еще способна держаться на воде.

А пока надо было готовиться к трудному плаванию в полярные моря на поиски Южного материка. Приближалось лето Южного полушария, и Кук хотел во что бы то ни стало использовать его для того, чтобы проникнуть как можно дальше к югу. Он ни на минуту не забывал, что открытие Южного материка – главная цель его путешествия.

Застучали топоры, завизжали пилы. Плотники и корабельных дел мастера принялись за починку судна. Но важнее всего было запастись съестными припасами, так как фрукты, купленные на острове Тонгатабу,[1 - Теперь – остров Тонгатапу.] были уже съедены, а буря уничтожила почти весь хлебный запас – около тысячи пудов морских сухарей подмокло и подгнило.

Новозеландцы на этот раз встретили мореплавателей, как старых друзей, и навезли гору рыбы. На берегу начался оживленный торг. Целый улов большой сети отдавался за один топор. За один гвоздь можно было купить два-три пуда рыбы. Весь пролив был запружен сетями, на каждом прибрежном камне сидел новозеландец с удочкой в руках, – все это ловилось для белых пришельцев.

Но прошла неделя, и старые рыбные запасы иссякли, а новых не хватало. Моряки напрасно бродили по берегу со своими драгоценными гвоздями. Им удавалось достать не больше пяти-шести корзин рыбы в день. Новозеландцы тоже пришли в отчаяние: нелегко стало им добывать железные вещи.

В одно прекрасное утро оказалось, что из прибрежных деревень исчезли все мужчины, способные носить оружие. На расспросы Кука оставшиеся женщины и дети отвечали:

– Они ушли на войну.

– Кто же теперь будет ловить рыбу? – закричал Кук. – Я еще не засолил половины той рыбы, которая мне нужна для того, чтобы отправиться в путь. Ведь нам, может быть, придется несколько месяцев не видеть никакой земли. Неужели они не могли отложить свою войну до нашего отъезда?

Три дня о воинах не было ни слуху ни духу. Но на четвертый день они на пятидесяти пирогах вошли в пролив. С копий победителей еще стекала кровь, еще дымились их черные раны. Вожди держали палки, на которые были насажены сердца побежденных, а пироги их были загружены рыбой – награбленной рыбой, той самой, ради которой они начали войну.

На берегу снова зашумел базар.

А тем временем на «Решении» было сделано открытие, которое подтвердило самые мрачные предположения о нравах и обычаях новозеландцев.

Случилось это вот как.

Отец и сын Форстеры и несколько младших офицеров сидели на палубе и беседовали с Эдидеем. Вдруг подошла шлюпка, и на палубу взошел матрос в сопровождении двух старых новозеландцев. Матрос держал какой-то сверток.

– Смотрите, что я купил у этих молодцов, – сказал он, обращаясь к Форстерам, и, криво усмехаясь, прибавил: – Недорого, всего три гвоздя!

Он брезгливо развернул сверток и показал ученым отрубленную человеческую голову.

Голова была вареная.

Никто долго не мог произнести ни слова. Матросы отскочили от новозеландцев. Но наибольшее впечатление это отвратительное зрелище произвело на Эдидея. Добрый таитянин сначала оцепенел от ужаса, потом заплакал.

– Мерзкие! Мерзкие! – рыдая, кричал он. – А я еще дружил с вами! Не смейте ко мне подходить!

Несколько минут спустя на корабль вернулся Кук. Увидев смущенные и брезгливые лица своих товарищей, он пожелал узнать, в чем дело. Форстер-сын рассказал ему, что произошло.

Матросы вытолкали пораженных людоедов с корабля, а Кук спустился к себе в каюту и не выходил оттуда целый день.

Служитель, относивший ему обед, слышал, как капитан разговаривал сам с собой.

– Это они с голоду, с голоду, – бормотал он. – Только постоянный голод может заставить одного человека съесть другого. Ведь у них нет ни коз, ни свиней, ни коров, ни хлеба, ни фруктовых деревьев – только рыба да дикие травы.

Рано утром он вызвал пятерых матросов, дал им лопаты и заступы, отправил на берег и велел вскопать землю под огород. Потом пошел к повару и забрал у него два последних мешка привезенной из Англии картошки.

– Вот чем я буду бороться с людоедством, – говорил он, закапывая картошку в землю. – Не пушками, не наказаниями, а картошкой. Когда они научатся сажать картошку, они бросят людоедство и превратятся в самых обыкновенных мирных крестьян. Господин лейтенант, соберите их вождей, я хочу дать им первый урок земледелия.

Ноябрь уже подходил к концу, и весна была в полном разгаре (ноябрь в Южном полушарии соответствует нашему маю). Лесные чащи стали еще гуще, еще непроходимее, травы поднялись в человеческий рост, а «Отвага» все не появлялась.

Кук тревожился. Нельзя было больше терять ни одного дня. Малейшее промедление – и за это лето он не решит вопроса о Южном материке. Ему придется ни с чем вернуться в Европу.

Как ни жаль было Куку покидать Новую Зеландию, не узнав, что случилось с капитаном Фюрно и его подчиненными, он все же приказал поднять паруса и сняться с якоря.

На всякий случай Кук закопал под одним прибрежным деревом бутылку с письмом для капитана Фюрно. «Решение» дважды прошло весь пролив, паля из всех пушек, и наконец 26 ноября вышло в открытый океан.

Кук взял курс прямо на юг.

«Отвага» у новозеландских берегов

Что же случилось с «Отвагой»?

Почему капитан Фюрно не пришел к условленному сроку в пролив Кука, где он должен был встретиться со своим начальником?

Почему он предоставил «Решению» одному идти к Полярному кругу искать неведомый Южный материк?

Но пусть капитан Фюрно сам расскажет об этом.

Вот докладная записка, поданная им в Британское Адмиралтейство в 1775 году.

«1 ноября 1773 года, – писал он, – сильный шквал, сопровождаемый дождем и туманом, отнес нас далеко на восток. Мы легли в дрейф и скоро потеряли из виду и берег и „Решение“. Четверо суток трепала нас буря. Паруса ежеминутно рвались, палуба стала протекать, и матросы, жившие в постоянной сырости, жаловались на простуду, кашель и головные боли.

Я знал, что «Решение» ждет нас в проливе Кука, но, когда буря утихла, корабль наш оказался в таком состоянии, что нам оставалось только одно: немедленно идти к ближайшему новозеландскому берегу.

9 ноября мы бросили якорь в каком-то заливе. Новозеландские пироги обступили нас со всех сторон. Новозеландцы вели себя дружелюбно и предлагали нам множество товаров. Но нас пугали их воинственный вид, их длинные острые копья и, главное, отрубленные женские головы с распущенными волосами, украшавшие носы их пирога. Я решил запастись водой, произвести самый необходимый ремонт и как можно скорее идти на соединение с «Решением» в пролив Кука, в знакомые места.

Но, увы, расчеты мои не оправдались. Ремонт снастей задержал нас дольше, чем мы предполагали, и нам удалось сняться с якоря только 12 ноября.

Ветер был встречный. Нам приходилось лавировать короткими галсами. Дни шли за днями, а мы почти не продвигались в нужном направлении. Только две недели спустя нам удалось войти в пролив и бросить якорь.

«Решение», конечно, не дождалось нас. Высадившись на берег, я увидел дерево, на коре которого была вырезана надпись: «Разрой землю». Я немедленно же приказал копать под надписью яму, и через несколько минут лопаты моих матросов наткнулись на запечатанную бутылку, в которой оказалось письмо от капитана Кука.

В этом письме капитан Кук сообщал мне, что ждал меня три недели и, не дождавшись, отправился к югу на поиски материка. Он предлагал нам следовать за ним, но мы об этом не могли и думать. Нужно было починить наш полуразрушенный корабль, запастись топливом и дать отдохнуть измученным и больным матросам.

Одинокими и беспомощными чувствовали мы себя в этой дикой лесной стране, расположенной на краю света. Туземцы – как вымерли. Берега пролива Кука, еще так недавно усеянные многолюдными деревнями, теперь были пусты и угрюмы. Из леса порой доносились какие-то странные шорохи и голоса, как будто неведомые враги следили за нами из чащи и выжидали только удобного случая, чтобы напасть и убить. И мы старались как можно реже съезжать на берег.

Но время шло, ничего не случилось, и наши страхи рассеялись. Мы по привычке к угрюмой дикости береговых скал, а когда в лесу раздавались голоса, мы говорили, что это кричат птицы.

Наконец судно было приведено в порядок, и мы стали собираться в путь. На прощание мне хотелось собрать фруктов и овощей, чтобы в дороге было чем полакомиться команде, которой надоела вечная солонина с морскими сухарями.

В злополучный день 17 декабря я послал на шлюпке в глубь пролива небольшой отряд, приказав ему идти вдоль берега и собирать все растения, которые покажутся съедобными. Все были рады такой приятной прогулке, и в шлюпку сейчас же уселось десять матросов. Во главе отряда я поставил двух лучших своих боцманов, которые тоже были очень довольны. Одного из них звали Феликс Рау, другого – Томас Гилл.

– Возвращайтесь к вечеру. Завтра мы снимаемся с якоря, – сказал я им на прощание. – И будьте осторожны. Не заходите далеко в лес. Особенно вы, Гилл. Вы всегда так всем увлекаетесь. Как бы нам не пришлось разыскивать вас!

– Меня не трудно найти, сэр, – со смехом ответил Гилл. – Я меченый.

И, засучив рукав, он показал мне свою руку, на которой было вытатуировано «Т. Г.» – первые буквы его имени и фамилии.

К вечеру они не вернулись.

Я начал сильно тревожиться и пожалел, что отправил их так далеко от судна. А утром послал на поиски вооруженную шлюпку с десятью солдатами морской пехоты под командой лейтенанта Бэрни.

Шлюпка эта должна была обогнуть Долгий остров, посетить Восточную бухту, а оттуда отправиться в залив Растений. Этот залив славился тем, что на его покрытых густым лесом берегах рос вкуснейший сельдерей. Даже английские огородники не сумели бы вырастить лучшего сельдерея. И поэтому мы были уверены, что наши пропавшие товарищи посетили вчера залив Растений.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Теперь – остров Тонгатапу.

Купить: https://tellnovel.com/chukovskiy_nikolay/voditeli-fregatov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)